

ИСТОРИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 24:32

doi: 10.17072/2219-3111-2016-2-7-13

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИИ: НАУЧНЫЙ И УЧЕБНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОЛЯ

Е. М. Исаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
emisaev@hse.ru

В России публичная история является достаточно новой областью знания, становление которой началось в 2012 – 2013 гг. Статья посвящена, с одной стороны, описанию развития публичной истории, с другой стороны, обзору и анализу научной литературы, в которой происходит попытка осмыслить и освоить сравнительно новое научное поле.

Ключевые слова: публичная история, коллективная память, историческая политика, публичная сфера, популярная история.

Понятие истории имеет множество трактовок. Количество часто взаимоисключающих, исчезающих и появляющихся определений его является доказательством подвижности понятия истории. В некотором смысле само изменение понятия истории есть изменение представлений сообщества о себе самом. Так, по мнению Р. Козеллека, античное понятие истории коренным образом отличается от современного: в древнее время история – это событие и рассказ о нем, а также инструмент, направленный против забвения [Козеллек, 2004]. В этом значении понятие истории было сложно отделить от понятия памяти. Исходя из этой логики, появление историографии – это стремление придать легитимную форму генеалогии правящей династии, что может быть ассоциировано с таким понятием как историческая политика. Иначе говоря, власть с помощью исторической политики задает форму историографии, которая начинает описывать прошлое, создавая исторические нарративы.

Ситуация коренным образом меняется в XVIII–XIX вв., когда понятие истории трансформируется и начинает обозначать научное поле, включающее в себя все «малые истории». Именно в этот период начинается процесс разделения понятий истории и памяти. Более того, по истечении времени история и память становятся противоположными друг другу. По утверждению А. Бергсона, память есть постоянное извлечение необходимых событий, фактов, вещей, которые всегда связаны с актуальным [Бергсон, 1992, с. 210]. Под этим необходимо понимать следующее: в зависимости от типа актуального события происходит воспоминание синонимичного или чем-то похожего случая из прошлого. Обращение к памяти помогает в первую очередь осмыслить происходящее. Историк А. Мегилл заметил, что нам лишь кажется, будто коллективные воспоминания являются воспоминаниями о прошлом: на самом деле мы «вспоминаем» о том, что актуально для нас сейчас [Мегилл, 2009, с. 160]. Мы думаем о сегодняшнем дне в категориях прошлого. Парадоксом является и то, что мы думаем о прошлом в категориях настоящего. В этом смысле П. Нора противопоставляет историю как практики репрезентации прошлого и память как феномен, испытывающий связь с «вечным настоящим» [Нора, 1999, с. 20].

Разделение истории как попытки поиска и описания прошлого и памяти как опыта, трансформирующегося под воздействием настоящего, привело к тому, что историография частично перестает быть необходимым инструментом выстраивания идентичности. М. Хальбвакс указывает на разность сфер интересов историографии и памяти: первая занимается изменениями, конструирующими историю, делением на периоды и «времена», вторая основана на сходствах, поддерживающих иллюзию постоянности группы, т.е. ее идентичности [Хальбвакс, 2005]. Эту роль начинает активно осваивать коллективная память, которая помимо большей подвижности обладает эффектом

забвения, что, в понимании Б. Андерсона, является важнейшим инструментом национального сообщества в конструировании собственной идентичности [Андерсон, 2001, с. 216–221].

В этом смысле сложность отношений профессиональной истории с её общественным восприятием составляет одну из важнейших проблем академического сообщества. Из-за сложности и безэмоциональности академическая история теряет свою привлекательность в качестве инструмента идентичности. В этом контексте У. Кронон пишет, что в сфере академической истории сейчас наблюдается кризис соответствия: «Мы перестали производить труды, которые хотели бы читать люди вне нашей предметной области и даже которые хотели бы читать наши коллеги из смежных областей в нашей же дисциплине. Кризис соответствия – это нечто большее, чем отсутствие индивидуальной способности писать так, чтобы у тебя нашлись читатели» [Кронон, 2012].

Возможно, попыткой разрешить данную проблему является возникновение сравнительно новой области знания – публичной истории, основная цель которой декларируется как «содействие полезности истории в социальной сфере путем профессиональной деятельности» [Howe, 1989, p. 82]. Тем не менее профессиональное сообщество вот уже на протяжении почти половины века сталкивается с большими трудностями в нахождении компромисса в определении самого понятия публичной истории. Р. Вейбл с некоторой иронией замечает, что «историки, деятельность которых тесно связана с обществом, считают, что публичная история призвана "помочь людям описывать, создавать и понимать свою собственную историю". Другие полагают, что публичная история должна оказывать влияние на разработку государственной политики. Но большинство, вероятно, просто определяет это поле рабочим местом: они предполагают, что академическая история существует в рамках университета, публичная история во всех остальных местах. Так что, возможно, бесполезно искать консенсус относительно единого определения» [Weible, 2008].

Однако кажется важным отметить, что феномен появления публичной истории тесно связан с желанием не только преодолеть растущую пропасть между академической историей и публикой, но и удовлетворить общественный запрос на историю. Это в некотором смысле может свидетельствовать о схожести целей Национального совета по публичной истории и Американской исторической ассоциации, созданной на 90 лет раньше, в 1884 г. Однако американская ассоциация, в начале своего существования ставящая перед собой задачи развивать и обслуживать аудиторию из учителей, историков-любителей и участников местных исторических сообществ, к 1940 г. определяет другие, более академические задачи. Поворотным событием в этом процессе считается возникновение Американской ассоциации государственной и локальной истории, которая частично берет на себя функции выстраивания коммуникации с музеями, национальными парками и пр. [Weible, 2008]. Другими словами, мы можем говорить о появлении публичной истории как попытке ряда американских историков вернуть профессии свой первичный образ.

Это размышление оказывается крайне важным, если рассматривать контекст исторических событий как некоторую рамку, внутри которой профессиональное сообщество историков пытается дать определение новой области знаний, а также охарактеризовать ее как сферу деятельности. Так, Дж. Лиддингтон указывает на прямую связь между кризисом середины 70-х гг. XX в. на рынке труда в академии для профессиональных историков в США и их последующим выходом за границы университетов. Схожий характер имело возникновение публичной истории в Австралии: внезапно появившиеся на рынке труда в 70-х гг. историки-фрилансеры начали активно обслуживать частный сектор в то время, когда постиндустриальная трансформация городов, в которой историки принимали активное участие, наложилась на постколониальное переосмысление собственного прошлого и поиски новых конструктов национальной идентичности. Публичная история в Великобритании, по мнению Дж. Лиддингтон, появляется в начале 70-х гг. в похожей ситуации: долгое, но успешное противостояние за историческое наследие – аристократические усадьбы – между бизнесом, с одной стороны, гражданскими активистами и историками – с другой, в итоге позволило провести черту между обществом и властью в их отношении к историческим объектам и национальному прошлому, закрепив их как общественное достояние [Liddington, 2002, p. 87]. Во многом из-за этого публичная история в Великобритании сегодня – это в том числе семейная история, тесно связанная с памятью, позволяющая конструировать идентичность на индивидуальном уровне или уровне малых групп.

Что касается постсоветского пространства в целом и России в частности, то публичная история здесь пока не сложилась как дисциплина или теоретическое направление. Это во многом связа-

но как с большей степенью влияния политики на сферу исторического, так и с отсутствием, по мнению А. Зорина, «артикулированной, выраженной публичной политики» [*Мы всегда находимся...*, 2013]. По мнению А. Миллера, если публичной истории необходимо пространство для диалога, то историческая политика, напротив, его уничтожает [*Миллер*, 2012, с. 23]. Действительно, в последние пять-семь лет власть в России активно осваивает историю как политический инструмент. В связи с этим кажется важным отметить следующее: создание комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, инициатива написания единого учебника истории для средней школы, принадлежащая президенту России В. Путину, принятие закона, направленного на противодействие попыткам посягательств на историческую память о событиях Второй мировой войны.

Однако далеко не все инициативы оказались реализованы: комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, созданная в 2009 г., вскоре была расформирована, а идея создания единого учебника истории признана неосуществимой. Взамен этого Российским историческим обществом (РИО), в которое вошли профессиональные историки, руководители музеев, а также представители разнообразных фондов, напрямую или косвенно аффилированные с представителями власти, была разработана концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории. Параллельно с учреждением РИО, которое возглавил председатель Государственной думы РФ С. Нарышкин и перед которым были поставлены задачи, связанные с просвещением, популяризацией и борьбой с фальсификацией истории, в 2012 г., опять же по инициативе президента, было создано Российское военно-историческое общество (РВИО), которое возглавил министр культуры РФ В. Мединский. В отличие от ВИО РВИО состоит преимущественно из чиновников, сотрудников региональных музеев, представителей поискового движения, исторических реконструкторов и решает задачи, связанные с военно-патриотическим воспитанием, установкой исторических памятников, проведением военно-археологических раскопок, исторических реконструкций сражений, поддержкой деятельности военно-исторических музеев, библиотек, архивов и пр. Фактически современные российские элиты пытаются, во-первых, реализовать монополию на создание информационных поводов, касающихся позитивных образов прошлого, а во-вторых, разрешить проблему легитимности в отношении интерпретации прошлого с помощью создания организаций и объединения людей, разнородных «лидеров мнений», так или иначе связанных с историей.

Своеобразным ответом на процесс политизации истории, а также на активную интеграцию элит в историческое сообщество стало появление Вольного исторического общества (ВОИ), профессионального объединения историков, поставивших своими задачами борьбу с фальсификацией исторических источников и фактов, а также профессиональную оценку общественно значимых событий и публичных высказываний политиков и лидеров общественного мнения, касающихся представлений о прошлом и пр. Кроме того, в 2014 г. ряд историков инициировали создание журнала «Историческая экспертиза» как отдельной площадки для рецензирования научных текстов с целью повышения качества исторической науки в России.

Несмотря на кажущуюся очевидной оппозицию профессиональной кооперации и объединения историков и любителей истории по инициативе и вокруг властей, результаты исторической политики могут оказаться не столь однозначны. Так, РВИО участвовало в создании проекта «100 главных документов Российской истории» – электронного архива наиболее значимых исторических источников, среди которых оказался договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. В свою очередь РИО совместно с Учебно-научным центром РАН–МГУ и Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина организовали Электронный музей конституционной истории России.

Поведение властей и предварительные результаты проникновения исторической политики достаточно противоречивы. Помимо эксплуатации мифа о «тысячелетней истории России» (*Малинова*, 2015, с. 7), повсеместной политической инструментализации памяти о Второй мировой войне, экспроприации местной администрацией мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» у АНО «Пермь-36» (*Гизен*, 2015, с. 367), тенденции позитивно интерпретировать прошлое и монополизировать данные интерпретации с помощью закона и дискурса о фальсификации истории власть принимает и другие, во многом конфликтующие с позитивными нарративами о прошлом решения. Так, в 2015 г. была утверждена концепция государственной политики по

увековечению памяти жертв политических репрессий, принят проект Мемориала жертвам политических репрессий в Москве, новое здание получил Государственный музей истории ГУЛАГа.

В связи со сказанным уместно говорить, во-первых, не только о борьбе политических элит как с профессиональным сообществом, так и с гражданским обществом, но и о начале сложного диалога, в ходе которого формируются свои процедуры, законы и язык, а во-вторых, о процессе организации и самоорганизации профессиональных исторических сообществ. Вероятно, сегодня мы наблюдаем становление публичной истории как процесса переосмысления роли истории и историка в публичном пространстве, которое отчасти является результатом реакции на историческую политику, проводимую элитами.

Что касается теоретического осмысления публичной истории, то первые попытки российских исследователей описать это понятие были предприняты в 2012–2013 гг. В статье А. Шевелевой, написанной на основе выступлений В. Дубиной, Е. Лапиной-Кратасюк и К. Ерусалимского, были разделены понятия академической, популярной и публичной истории и закреплены за ними разные функции. Если популярная история представляется как создание продукта, связанного с прошлым и рассчитанного на широкую аудиторию, то публичная история характеризуется в первую очередь как отражение особого режима видения, который позволяет отвергать применение принципа «объективности» как к академической, так и к популярной истории. «История и сведения о ней выступают в его («публичного» историка. – Е.И.) глазах не как цель, но как инструмент, при помощи которого аудитория исторического исследования конструирует собственную идентичность» [Шевелева, 2013, с. 7]. Несмотря на некоторую авторскую субъективность в понимании возможности достоверно реконструировать прошлое, Шевелева интегрирует публичную историю в рамки культурологии, рассматривая прошлое в основном как инструмент выстраивания идентичности.

Известный историк И. Савельева иначе подходит к публичной истории, характеризуя ее как «совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой» [Савельева, 2014, с. 143], отказывая последней в возможности принимать участие в процессах верификации научного знания, И. Савельева указывает на то, что публичная история – «это профессия, но не научная дисциплина. Профессионализм в данном случае подразумевает знание истории (историческое образование) плюс владение специальными практиками работы с общественными группами и организациями» [Савельева, 2014, с. 155], что с некоторыми оговорками может быть осмыслено как просветительская деятельность профессиональных историков.

Отталкиваясь от понятия публичной истории И. Савельевой, Л. Репина дает свое определение ее: «комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни» [Репина, 2015, с. 63]. Продолжая свою мысль, она затрагивает крайне важную для современной исторической науки тему: исходя из несколько просвещенческого тезиса о том, что основная задача, которую решает история, – давать обществу представление об окружающем мире, недавнем и далеком прошлом, Л. Репина обращает внимание на некоторые проблемы, связанные с ролью и общественным статусом современного историка в России, предлагая осмыслить, во-первых, текущее состояние историографии, а во-вторых, проблему языка описания прошлого, который одновременно должен отвечать критериям научности и доступности.

Развивая эту мысль, важно добавить, что публичная история может быть интерпретирована как деятельность историка вне стен академии и вместе с тем как набор общественных представлений, образов и мифов о прошлом и как функционирование истории в социуме. Для осмысления феномена публичной истории следует прояснить значение понятия «публика», перестав рассматривать аудиторию как пассивную и плохо образованную массу. В связи с этим можно обратиться как к трактовке публичной сферы М. Майлсом – как процесса самоопределения представителей общественных групп, так и к предложенному Дж. Боднаром пониманию публичной сферы, в том числе как места борьбы за коллективную память, в которой главными участниками могут быть как государственные, так и негосударственные акторы (см. [Ярская-Смирнова, Романов, 2013, с. 12]). Другими словами, на смену пониманию общества как аудитории, представители которой являются носителями культуры потребления, должно прийти понимание публики, организованной носителями культуры партиципативной.

Необходимость этого во многом обусловлена изменениями в доминирующих практиках медиапотребления: на смену аналоговым, традиционным медиа приходят цифровые, которые характеризуются участием пользователя в создании потребляемого им продукта [Jenkins, 2006, p. 3–4], что позволяет говорить о том, что сегодня общество становится основным создателем и ретранслятором идей и значений. В этом смысле популярность науки в целом напрямую связана с процессами интеграции общества в исследовательскую деятельность научного сообщества: «публика должна не только понимать содержание научной деятельности, но также вовлекаться в нее на различных этапах производства и верификации научного знания» [Абрамов, Кожанов, 2015, с. 49], только в этом случае и учеными, и обществом научные результаты будут восприниматься как позитивные. В связи со сказанным кажется важным сослаться на статью Ф. Аккерманна, Я. Аккерманна, А. Литтке, Ж. Ниссер и Ю. Томанн под названием «Прикладная история, или Публичное измерение прошлого», в которой авторы указывают на то, что историки «должны не рассказывать, "как было на самом деле", а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов» (Аккерманн и др., 2012). Однако в современной России и этот тезис может быть подвергнут критике из-за проблем, связанных с легитимностью современного исторического сообщества как экспертного. В данном случае под экспертом мы понимаем «человека, реализующего свою социальную функцию экспертного оценивания, экспертного суждения и свидетельства на основании обладания универсалистским, теоретически нагруженным знанием, легитимированным в определенном сообществе» [Кожанов, 2006, с. 293]. Так, описывая проблемы современного профессионального сообщества историков в России, М. Бойцов указывает на то, что «советская историческая наука и еще больше советское историческое образование в конечном счете привели к решительной дискредитации исторического знания на всем советском (а следовательно, и постсоветском) пространстве» [Бойцов, 2013, с. 403]. Другими словами, для современного исторического сообщества в России актуальны не только проблема языка и отсутствие диалога с публикой, но и кризис доверия со стороны общества, что ставит под сомнение безоговорочную роль российского историка как эксперта.

Что касается публичной истории как академической дисциплины в России, то есть основания для того, чтобы говорить о некоторой перспективе ее развития, в первую очередь из-за стремительного развития соответствующих образовательных программ. Первая программа по публичной истории в России открылась в Московской школе социальных и экономических наук в 2012 г. В последующие три года были открыты еще две: «Прикладная и междисциплинарная история» в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и «Теория и практика прикладных исторических исследований» в Пермском университете. Однако говорить о быстрой и успешной интеграции публичной истории в академическое сообщество пока не приходится: ко времени написания статьи было проведено менее десяти конференций и появилось примерно столько же научных публикаций, посвященных проблемам публичной истории.

Несмотря на это, публичная история в России уже стала для представителей исторического сообщества поводом к началу разговора о целях и задачах истории, а также о проблемах, связанных с взаимодействием профессиональных историков и общества. Однако без понимания того, как устроена публика, ее запросов и ожиданий в отношении истории, анализа доминирующих представлений и образов прошлого, которые требуют участия специалистов в различных областях социологии, культурологии, политологии и пр., развитие публичной истории не представляется возможным.

Библиографический список

- Абрамов Р., Кожанов А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. № 2 (6). С. 45–59.
- Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения: 15.03.2016).
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бергсон А. Опыт непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Моск. клуб, 1992. 336 с.
- Бойцов М. Несколько меланхолических тезисов об историке и глобализации // Как мы пишем историю? / под. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2013.

С. 393–413.

Гизен А. Расколота память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журн. исследований соц. политики. 2015. № 3. С. 363–376.

Кожанов А. Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований науки // Социол. этюды: сб. ст. аспирантов. М.: Изд-во Ин-та истории РАН, 2006. С. 293–305.

Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? // Отеч. записки. 2004. № 5. URL: <http://eb.by/TRf5> (дата обращения: 15.03.2016).

Кронон У. Академическая история – вечная скука // Гефтер. 2012. URL: <http://gefeter.ru/archive/5729> (дата обращения: 15.03.2016).

Малинова О. Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 6–29.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2009. 480 с.

Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе // Ист. политика в XXI в.: сб. ст. / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 7–32.

Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта: Андрей Зорин о публичной истории // Теории и практики. 2013. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin> (дата обращения: 15.03.2016).

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

Репина Л. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2015. № 3(157). С. 55–67.

Савельева И. Профессиональные историки в «публичной истории» // Нов. и новейш. история. 2014. № 3. С. 141–155

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 15.03.2016).

Шевелева А. История: академическая, популярная, публичная // Артикульт. 2013. №3 (11). С. 4–8.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: моногр. / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ЦСПГИ, 2013. С. 7–18.

Howe B. Reflections on an Idea: NCPH's First Decade // The Public Historian. 1989. №3. P. 69–85.

Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York, London: New York University Press, 2006. 308 p.

Liddington J. What Is Public History? Publics and Their Pasts, Meanings and Practices // Oral History. 2002. №1 (30). P. 83–93.

Weible R. Defining Public History: Is It Possible? Is It Necessary? // American historical association. 2008. URL: <https://goo.gl/jXvnbo> (дата обращения: 15.03.2016).

Дата поступления рукописи в редакцию 04.04.2016

PUBLIC HISTORY IN RUSSIA: ACADEMIC AND EDUCATIONAL CONTEXT OF THE FORMATION OF A NEW INTERDISCIPLINARY FIELD

Е. М. Исаев

National Research University “Higher School of Economics», Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
emisaev@hse.ru

Public history (PH) as a concept and movement emerged in the United States in the 1970s. It has become an academic field that provides opportunities for the representatives of the Humanities, academic community and the museum staff to establish communication ties. With the help of PH, historians became able to communicate with the society and, as a result, came into the public sphere. Public history is a relatively new area of knowledge in Russia - it appeared in 2012–2013 with the emergence of the first Master's program in the Moscow School of Social and Economic Sciences and, in what follows, conferences and round tables. The article discusses the development of public

history in Russia. It is based on a review and analysis of academic literature and is aimed at understanding and exploring this new academic field. After analyzing the academic discourse on the current problems of historical science and the role of public history in the process of developing new ways of communication, the author comes to the following conclusions. The contemporary academic community is facing the problems of understanding how the audience showing today an increasing interest in history looks like. Besides, the field struggles with the problems of the “academic vs popular” languages and difficulties with the translation of historians’ texts. There is also a lack of direct communication between those creating a variety of historical products, such as teachers, employees of museums, filmmakers, media, etc., on the one hand, and historians, on the other hand. The result of the analysis, along with the post-Soviet “hereditary” problems of confidence in the subject of history, allows us to speak about the crisis of professional historical community as an expert in public sphere.

Key words: public history, collective memory, politics of memory, public sphere, popular history.

References

- Abramov R., Kozhanov A.* Kontseptualizatsiya fenomena Popular Science: modeli vzaimodeystviya nauki, obshchestva i media // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2015. № 2 (6). S. 45–59.
- Akkermann F., Akkermann Ya., Littke A., Nisser Zh., Tomann Yu.* Prikladnaya istoriya, ili Publichnoe izmerenie proshlogo // *Neprikosnovenny zapas*. 2012. № 3 (83) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html>.
- Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. M.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. S. 288.
- Bergson A.* Opyt neposredstvennykh dannykh soznaniya. Materiya i pamyat'. M.: Moskovskiy klub, 1992. S. 336.
- Boytsov M.* Neskol'ko melankholicheskikh tezisov ob istorike i globalizatsii // *Kak my pishem istoriyu?* / pod red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. S. 393–413.
- Gizen A.* Raskolotaya pamyat': otrazhenie konflikta vokrug «Memorial'nogo tsentra Perm'-36» v rossiyskikh media // *Zhurn. issledovaniy sots. politiki*. 2015. № 3. S. 363–376.
- Howe B.* Reflections on an Idea: NCPH's First Decade // *The Public Historian*. 1989. №3. P. 69–85.
- Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York, London: New York University Press, 2006. P. 308.
- Khal'bvaks M.* Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // *Neprikosnovenny zapas*. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.
- Kozellek R.* Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriey? // *Otech. zapiski*. 2004. № 5. URL: <http://eb.by/TRf5>.
- Kozhanov A.* Analiz ekspertnogo znaniya i sotsial'noy roli eksperta kak avtonomnaya predmetnaya oblast' sovremennykh sotsial'nykh issledovaniy nauki // *Sotsiol. etyudy: sb. st. aspirantov*. M.: Izd-vo In-ta istorii RAN, 2006. S. 293–305.
- Kronon U.* Akademicheskaya istoriya – vechnaya skuka // *Gefter*. 2012. URL: <http://gefter.ru/archive/5729>.
- Liddington J.* What Is Public History? Publics and Their Pasts, Meanings and Practices // *Oral History*. 2002. №1 (30). P. 83–93.
- Malinova O.* Velikaya Otechestvennaya vojna kak simvolicheskii resurs: Evolyutsiya otobrazheniya v ofitsial'noy ritorike 2000–2010-kh gg. // *Rossiya i sovremennyy mir*. 2015. № 2 (87). S. 6–29.
- Megill A.* Istoricheskaya epistemologiya. M.: Kanon+, 2009. C. 480
- Miller A.* Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope // *Ist. politika v XXI v.: sb. st. / pod red. A. Millera i M. Lipman*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 7–32.
- My vsegda nakhodimsya v zone interpretatsii istoricheskogo fakta: Andrey Zorin o publichnoy istorii // *Teorii i praktiki*. 2013. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin>.
- Nora P.* Problematika mest pamyati // *Frantsiya-pamyat'*. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17–50.
- Repina L.* Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoy kul'tury epokhi globalizatsii // *Uchen. zap. Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanit. nauki*. 2015. № 3(157). S. 55–67.
- Savel'eva I.* Professional'nye istoriki v «publichnoy istorii» // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2014. № 3. S. 141–155
- Sheveleva A.* Istoriya: akademicheskaya, populyarnaya, publichnaya // *Artikul't*. 2013. №3 (11). S. 4–8.
- Weible R.* Defining Public History: Is It Possible? Is It Necessary? // *American historical association*. 2008. URL: <https://goo.gl/jXvnbo>.
- Yarskaya-Smirnova E., Romanov P.* Publichnaya sfera: programma issledovaniya // *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi: monogr. / pod red. E. Yarskoy-Smirnovoy i P. Romanova*. M.: TsSPGI, 2013. S. 7–18.